

УДК 81'25

АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА СЛОВ-РЕАЛИЙ (на примере произведений казахского писателя Д. Досжана)

Г.Х. Гилязетдинова, И.К. Ербулатова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье исследуется адекватность передачи казахских слов-реалий на материале русских переводов рассказов Дукенбая Досжана «Голубые миражи Куланчи» (*Құланишыда қалған іс*), «Ветер Львиная Грива» (*Арыстанды-Қарабастың желі*) и повести «Женщина и четыре вождя» (*Төрт патшаны көрген кейуана*). Предпринятый анализ позволил определить степень совпадения языковой картины мира, с одной стороны, представленной автором, а с другой – реконструируемой переводчиком. Дана обобщённая характеристика переводов национально-специфических лексем, обнаружены удачные и неудачные способы, проиллюстрированные примерами из художественных произведений. Особое внимание сосредоточено на одном из важнейших вопросов в практике перевода – передаче национального колорита. В результате анализа было выявлено, что наиболее частотными приёмами при переводе единиц, обозначающих этнографические реалии, являются транслитерация и описание. Приблизительный и контекстуальный переводы используются при передаче слов, которые описывают сложные реалии, несут смысловую нагрузку и создаются при помощи языковой игры и аллюзий.

Ключевые слова: национальные реалии, казахский язык, русский язык, художественный текст, восприятие, перевод, языковая картина мира, национальный колорит

Казахские национальные традиции относятся к числу малоизученных с позиций языковой картины мира и проблем перевода. В то же время Казахстан имеет многовековую историю с богатым культурно-бытовым своеобразием. Специфика жизненного уклада, образа жизни и мышления народа передаётся в языке посредством таких лексических единиц, как слова-реалии.

В языкознании под реалиями понимаются «разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке», а также сами предметы материальной культуры [1, с. 381]. При этом в теории перевода на сегодняшний день отсутствует чёткая дефиниция понятия «слова-реалии» (см. [2–4]). О них как о носителях колорита, зримых элементах национального своеобразия заговорили в начале 50-х годов XX в. [5]. Уже тогда среди учёных существовали расхождения в вопросе об определении термина. Обычно в научной литературе названия реалий обозначаются следующим образом: «экзотическая лексика» [6],

«безэквивалентная лексика» [7, 8]; нередко в том же или близком значении употребляются понятия «варваризмы» [9], «лакуны» [10], «этнолексемы» [11] и т. д. Различия и сходства между ними описаны в работе М.Л. Алексеевой [12].

Материалом исследования послужили произведения современного казахского писателя-прозаика Дукенбая Досжана (1942–2013), лауреата Государственной премии Республики Казахстан и Национальной премии имени М. Ауэзова, и их переводы на русский язык, а именно: два рассказа «Құланышда қалған іс» (Қ.Қ.І.) и «Арыстанды-Қарабастың желі» (А.Қ.Ж.), увидевшие свет в серии «Самый читаемый писатель», и повесть «Төрт патшаны көрген кейуана» (Т.П.К.К.); на русском языке «Голубые миражи Куланчи»¹ (Г.М.К.), «Ветер Львиная Грива»² (В.Л.Г.) и «Женщина и четыре вождя»³ (Ж.Ч.В.) соответственно. Анализируемые тексты оригинала богаты национально-специфическими лексическими единицами, отражающими вековые традиции казахов, самобытный колорит древнего тюркского народа. В этой связи в переводах были использованы различные приёмы для их передачи. Рассмотрим наиболее частотные с опорой на классификацию С. Влахова и С. Флорина [4], которая также была описана Ш.Р. Хакимовой [13].

1. Транскрипция/транслитерация. Данный приём представляет собой «перекодирование иноязычных слов в свои с последующей записью с помощью букв алфавита принимающего языка без использования каких-либо добавочных знаков и без придания каким-либо буквам добавочных значений. При этом фонемы языка-источника заменяются более близкими к ним фонемами заимствующего языка» [13].

Посредством транскрипции А. Ким передал такие слова-реалии, как *домбра* ‘казахский музыкальный двухструнный инструмент’, *нарын* ‘блюдо из мелко нарезанного мяса и теста’, *дастархан* ‘скатерть; накрытый стол’, *кумыс* ‘национальный напиток из кобыльего молока’, *казы* ‘брюшной и реберный конский жир, а также изысканное кушанье наподобие колбасы из брюшной и реберной части конской туши’, *баурсак* ‘жаренный в масле кусочек пресного или кислого теста’, *жаулык* ‘большой платок, головной убор замужней женщины-казашки из белой материи, оставляющий открытым только лицо’, *кокпар* ‘казахская национальная конная спортивная игра’ и др. Перечисленные реалии известны широкому кругу реципиентов русскоязычного перевода, возможно, поэтому переводчик избрал этот приём, ср.:

Қолдан шапқан жиде *домбырасын*
алып шертті (Қ.Қ.І., б. 119).

Ауыз үй және салдырады. <...> Таза
тостаққа құйып қойған *нарын* төгілді
білем (Қ.Қ.І., б. 120).

После ужина отец взял в руки само-
дельную *домбру* из джиды и по-
бренчал на ней (Г.М.К., с. 8).

Но вдруг снова что-то грохнуло на
кухне. <...> Оказалось, упал ковш,
опрокинул деревянную чашку с *на-
рыном*, стоявшую отдельно на столе
(Г.М.К., с. 8).

¹ Перевод А. Кима.

² Перевод Г. Бельгера.

³ Перевод Л. Шашковой.

Дастархан жиегінде отырып
ожауын созып *қымыз* сапырды
(Қ.Қ.І., б. 122).

Көкесі мүйіз сапты кездігімен *қазы*
турады (Қ.Қ.І., б. 124).

Ыстық қазаннан шоршыған *ба-
уырсақ* секілді әлсін-әлі аузын
ашқан торғайлар есіктен ұшып
кіреді (Қ.Қ.І., б. 124).
Алыста судың толқыны, не түйенің
өркені секілді сұлу ирек сылаңдай-
ды. Сырғып өтіп жатыр, өтіп жатыр.
Әуелде апасының ақшыл *жаулығы*
ма, көлендеген етегі ме деп ойлаған
(Қ.Қ.І., б. 125).

Күніге құйын қуып *көкпар* шабады
(Қ.Қ.І., б. 126).

Опустилась на краешек *дастархана*,
принялась взбалтывать *кумыс*, чер-
пая ковшиком и высоко подняв его,
сливая назад кобылье молоко
(Г.М.К., с. 11).

Хозяин мелко настругивает *казы*,
орудуя острым ножом с роговой ру-
кояткой (Г.М.К., с. 15).

В солнечном пятне, павшем от входа
на пол, прыгали, словно *баурсаки*
в кипящем масле, забравшиеся
в юрту воробьи (Г.М.К., с. 16).
Вдали что-то льётся... Словно воз-
душная река... Нет, это голубые
горбы огромных призрачных вер-
блюдов... Или нет – то мамин белый
жаулык, от которого отстал
и треплется на ветру лёгкий танец, а
может быть, это подол её праздни-
чного платья летит по воздуху
(Г.М.К., с. 16).

Дядя был наездник, джигит, люби-
тель скачек и *кокпаров* (Г.М.К.,
с. 19).

В переводе Г. Бельгера представляет интерес передача казахского слова-реалии *арақ-шарап* с собирательным значением ‘спиртные напитки’, что буквально можно перевести как «водка-вино»⁴. Таковую же сноску в тексте делает и сам переводчик, отмечая, что *арак – водка, шарап – вино* (В.Л.Г., с. 266):

Қолда дайын сойыс малы
(Өмірсерікке тегі былтырғы пойыз
басып өлетін қасқа сиырдан өзге мал
бітпеген), *арақ-шарап*, дастарханға
көрік беретін тәтті-құтты, көкөніс
деген атымен жоқ (А.Қ.Ж., б. 130).

И вообще никогда не было никакой
животины, кроме комолой бурёнки,
угодившей в прошлом году под по-
езд. Чем украсить дастархан, если
дома ни *арака-шарапа*, ни сладос-
тей-пряностей нет (В.Л.Г., с. 266).

Приведённые примеры показывают, что при передаче казахских этнографических реалий часто используются приёмы транскрипции и транслитерации, позволяющие сохранить национальную окраску лексемы. Однако применять их без описаний нужно осторожно, так как фоновых знаний читателя может оказаться недостаточно, чтобы расшифровать культурную информацию, содержащуюся в слове-реалии.

⁴ Любопытно, что в современном казахском языке водку называют словом *арак*, которое изначально обозначало другой напиток. Вот как описывал процесс изготовления арака у казахов в начале XIX в. Г.И. Спасский: «Вырыв в каком-нибудь берегу яму, похожую на печку, ставят над нею чугунный котёл (казан), имеющий вид чаши; наполняют его кумызом и покрывают сверху колпаком, сшитым из сырой кожи и обмазанным глиною. Между котлом и колпаком вкладывают ружейное дуло, через которое, по согревании котла огнём, выходит вино, поднимающееся парами. Вкус сего вина несколько кисловат, цвет голубоватый, и оно густо как брага. От многого употребления его можно быть пьяным; через двойную же или тройную перегонку получается спирт не хуже хлебного и не имеющий признаков кумыза» [14, с. 59].

В связи с этим, например, перевод слова *құрық* ‘шест с арканом для ловли пасущихся лошадей’ осуществлён А. Кимом посредством транслитерации с описательным сопровождением:

Ертесіне *құрығы* шошаңдап көкесі келген (Қ.Қ.І., б. 119).

Разве поговоришь с отцом, который вечно на коне и в руке его неизменный *курук с петлёю-арканом* на прыгающем конце (Г.М.К., с. 6).

Подобным образом передана казахская лексема *жұт* ‘массовый падеж скота от бескормицы и голод, вызванным этим’:

Ағашты ертеде Дүйсенбінің бабасы тігіпті, содан бері Құлانشы бойында жаманшылық, *жұт* болған емес десе ді кәриялар (Қ.Қ.І., б. 126).

Старые люди рассказывали, что дерево это было посажено дедом Дүйсенби и что с тех пор, как оно прижилось у родника, в Куланчи никогда не знали *джута, голода* (Г.М.К., с. 19).

В художественном тексте отражаются стандарты восприятия, система ценностей и потребности определённого народа, которые могут оказаться непонятными для читателя из другой культуры. Приведём пример из перевода Л. Шашковой:

– Жазған-ау, өзіме қосылып асау үйретіп бие сауыс, шөпшілерге, егіншілерге қымыз қажет деп Бейсенбек *арбакеш* арбасын салдыратып күнде келеді, артылғанын ауданға тасиды (Т.П.К.К.).

– На ферме работать можно, кобылиц доить или, как *арбакеш* Бейсенбек, кумыс косарям на поле возить, – предложила я (Ж.Ч.В.).

Слово *арбакеш*, которое означает ‘возчик, возница, извозчик’, в переводе сохраняется без изменений и не сопровождается пояснительной сноской, хотя, несомненно, для русскоговорящего читателя его понимание затруднено.

2. Описание, объяснение, толкование. Данные приёмы «обычно используются в тех случаях, когда нет другого выбора. При этом объясняется понятие, которое по тем или иным причинам не было передано транскрипцией. Этот тип перевода близок к родовидовым заменам» [13]. Обратимся к повести «Женщина и четыре вождя»:

– *Біссімилла* деп бастайын сөзімді! (Т.П.К.К.).

«*Бисмилля!*», – так, *испросив благословение Всевышнего и аруахов – духов предков*, начала свой рассказ мама... (Ж.Ч.В.).

В тексте оригинала присутствует национально-специфическая лексема *Біссімилла*, имеющая значение ‘во имя Аллаха’ и относящаяся к религиозной сфере. В переводе она передаётся при помощи транскрипции и пояснения (*испросив благословение Всевышнего*). Помимо этого, переводчик вносит слово-реалию *аруах*, которое тоже сопровождает объяснением – *дух предков*.

Рассмотрим пример описания как одного из вариантов приблизительного и контекстуального переводов, осуществлённого А. Кимом:

Құланыш – қара шатқалды жарып
ағатын көгілдір өзен, қысаңнан
шығар қойнауында үлкен дөңгелек
саз, саздың ортасында жапырағын
шулатып *Әулие ағаш* тұрады (Қ.Қ.І.,
б. 118).

И здесь, охваченное дугою излучины,
колышется под ветром травяное чи-
стое поле, и стоит посреди него, жур-
чит многолепетной листвою одинокое
Священное дерево, старый карагач.
Священным назван он потому, что
высится над прозрачным, звонким
родником, осеняя своими ветвями его
живительные струи (Г.М.К., с. 6).

В тексте оригинала речь идёт о священном для казахов дереве (*Әулие ағаш*) с огромным стволом и могучими ветвями, которое растёт возле могильников, родников или в безлюдном пространстве, например бескрайних степях. До сих пор существует обычай, согласно которому к нему привязывают кусок ткани в знак поклонения могиле святых. Чем обусловлено решение переводчика добавить словосочетание *старый карагач*? Возможно, тем, что карагач является довольно распространённым деревом в Средней и Центральной Азии, в том числе Казахстане.

В текстах с очень большим количеством подобных слов-реалий такие приёмы могут оказаться весьма удачными. Это диктуется соображениями о чистоте языка: обилие иноязычных слов негативно отражается на художественных достоинствах перевода.

3. Родовидовая замена. Будучи одним из вариантов небуквального перевода, она «позволяет передать приблизительно содержание реалий единицей с более широким значением... Это не что иное, как генерализация, приём широко известный в теории перевода» [13]. Пример такой замены можно увидеть, в частности, у А. Кима:

– Ауызғы үйді аралап жүрген кім?!
– Қорықпа, құлыным. Ол ескі *қы-
стаудың* иесі – үй иесі (Қ.Қ.І., б.
119).

– А кто это там... на кухне?
– На кухне? Не бойся, сынок. Это,
наверное, старый хозяинушко бродит.
– Кто?
– Домовой. Хозяин *дома*, сынок.
(Г.М.К., с. 7).

Слово *қыстау* дословно на русский язык переводится как ‘зимовка, место для зимовки, зимнее стойбище, зимнее пастбище’. В данном случае оно переведено как *дом*. Эти реалии имеют схожие функции, но разные характеристики. Нужно сказать, что раньше место поселения казахов, кочевого народа, зависело от климатических условий. Под летние пастбища (*джайляу/жайлау*) использовались главным образом северные лесостепные и юго-восточные горные районы Казахстана, где выпадало значительное количество осадков, под зимние пастбища (*қыстау*) – восточные и центральные, к призимовочным территориям примыкали пастбища весенние (*коктеу*) и осенние (*куздеу*). «Кочевали обычно аулом – подвижным селением, связанным родственными узами или хозяйственными выгодами, придерживаясь, во избежание столкновений с соседями, одних и тех же урочищ, колодцев. В урочищах с обилием травы, хорошим водопоем аул располагался на несколько дней, а если позволяли условия, то и больше» [15, с. 77–78].

Родовидовая замена используется и Г. Бельгером при переводе лексемы *тандыр нан*, означающей ‘лепёшки, которые пекут в глиняной печи, прикрепляя тесто к горячим стенкам’. В одном случае она переведена словом *хлеб*, а в другом – *лепёшка*:

Әшейінде ғой *тандыр нанын* қара
шаймен итергілеп, кекірелеп, түк
көрмегендей боп шаруасын істеп
жүре береді екен (А.Қ.Ж., б. 130).
«Қарыз ақша бере тұр. Дастарханда
тандыр наны мен шакпақ қанттан
өзге дәнеме қалмапты. Сыйлы
қонақты дұрыстап күтіп алайын...»
(А.Қ.Ж., б. 133).

Бредёт себе потихоньку по пыльной
тропинке буден и запивает чёрным
чаем свой честно заработанный *хлеб*
(В.Л.Г., с. 265).

– Займи денег. Видишь ли, дома ни-
чего, кроме *лепёшки* да колотого са-
хара. А ведь человека встретить
надо... (В.Л.Г., с. 270).

4. Функциональный аналог. А.Д. Швейцер охарактеризовал этот приём как «элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у русского читателя» [16, с. 251]. Г. Бельгер с помощью функционального аналога *чётки* перевёл слово *тәспік*, обозначающее ‘33, 66 или 99 бусинок, перебираемых при молитве’:

Ел үстіне шолжандап үйренген мол-
да баялыштай тырбиып отырып
біраз сөйледі, әйтсе де *тәспісі*
бұрынғыдай тырсылды қойды
(А.Қ.Ж., б. 138).

Не привык мулла к возражениям.
Надулся весь, напыжился, даже *чёт-
ки* перебирать перестал. Омирсерик
воспрянул (В.Л.Г., с. 276).

Рассматриваемый способ перевода, по нашим наблюдениям, применяется реже. Вероятно, причина заключается в том, что таким образом создаётся возможность заменить одну реалию другой и тем самым вызвать иллюзии относительно существования подобных реалий в стране или местности, где их в действительности нет.

5. Семантический неологизм. Под ним понимается «новое слово или словосочетание, сочинённое переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание реалии. От кальки его отличает отсутствие этимологической связи с оригинальным словом. Данный приём имеет наименьшее употребление, так как слово в этом случае создаёт один человек – автор перевода» [13]. Пример находим в переводе рассказа «Голубые миражи Куланчи»:

Қыстағы *соғымның жарты еті*
алғалы ет бауыры езіліп шыға келді
(Қ.Қ.І., б. 120).

С тех пор как получил от меня *пол-
коня на зимнее мясо*, стал приветли-
вее родственника (Г.М.К., с. 10).

В данном контексте выражение *соғымның жарты еті*, которое содержит в себе важный этнознак казахского общества, заменено на сочетание *полконя на зимнее мясо*. Семантический неологизм был использован в связи с отсутствием аналога в русском языке. Между тем для русского читателя может быть непонятным, почему мясо называют зимним, что означает полконя и почему персонаж, получивший это мясо, стал дружелюбнее. Переведённый подобным образом текст потерял национальную специфику казахской культуры.

Попытаемся объяснить указанную особенность. Мясо скотины, заготовленной на зиму, называется на казахском *согым*. Для этого могут резать верблюда или крупный рогатый скот, но предпочтение отдаётся конине, так как она хорошо усваивается, придаёт силу, а также обладает лечебными свойствами. Данная традиция существует до сих пор. День забоя обязательно отмечается, к праздничному столу приглашаются соседи и родственники, с чем связано народное название этого праздника *Омыртка* или *Дамге шақыру* 'приглашение отведать'. Непременным атрибутом является ритуальное блюдо *қуырдақ* – жаркое из мелко нарезанного свежего конского мяса. Известно, что «казахи Западной Сибири до настоящего времени продолжают придерживаться целого комплекса обычаев и обрядов, особое значение в которых придаётся ритуальной пище. Их можно условно разделить на четыре категории: действия проявления дружбы или родства; действия установления отношений дружбы или родства; действия, выражающие благодарность и благопожелания; действия, защищающие и сохраняющие» [17].

Рассмотрим другие, более частные способы передачи слов-реалий в языке перевода.

6. Замена одного слова-реалии на другое более знакомое. Таким способом были переведены следующие лексемы: *киіз үй* – юрта (Г.М.К., с. 16; В.Л.Г., с. 267), *қойшы* – чабан (Г.М.К., с. 19; В.Л.Г., с. 270), *алаша* – кошма (Г.М.К., с. 13), *торсық* – бурдюк (Г.М.К., с. 15; В.Л.Г., с. 273). Подобные замены, с одной стороны, позволяют сохранить национальное своеобразие текста, а с другой – затрудняют восприятие, если не использованы дополнительные приёмы перевода, ср.:

Бұл ауылда Патшабай деген дүмше *тауип* бар, сол пақыр әңгімелесе кетсе: «кісі аурудан өлмеу керек, – деп өзеуреп болмайтын (А.Қ.Ж., б. 129).

Доморощенный *табиб* Патшабай имел обыкновение с пеной у рта доказывать всем встречным-поперечным, что, мол, человеку не положено умирать от хворостей (В.Л.Г., с. 265).

В данном предложении значение слова-реалии *табиб* 'лекарь, знахарь' становится понятным за счёт использования переводчиком подстраничной сноски, раскрывающей его содержание: «от араб. лекарь, знахарь» (В.Л.Г., с. 265). Данный приём также рассматривается как один из способов прагматической адаптации текста.

7. Введение в текст перевода иноязычных слов-реалий, отсутствующих в тексте оригинала. Этот способ способствует сохранению колорита исходного текста, имеет наибольшее употребление. Например, А. Кимом были введены такие национально-специфические лексемы, как *курт* 'сушёный творог в виде шариков' («И с такой физиономией, словно во рту он держал кислый *курт*» (Г.М.К., с. 10)), *чапан* 'старинная казахская верхняя длиннополая одежда' («Он стряхивает с полы *чапана* щепки» (Г.М.К., с. 13)), *бесбармак* 'национальное блюдо, состоящее из кусочков мяса и сваренного в бульоне теста' («Жена табунщика месит для *бесбармака* тесто, затем раскатывает его на куске чистой, хорошо выделанной кожи» (Г.М.К., с. 13)), *джигит* 'настоящий млодец, мужчина' («Дядя был наездник, *джигит*, любитель скачек и кокпаров» (Г.М.К., с. 19)).

Таким образом, при анализе русскоязычных переводов художественных произведений Д. Досжана были выявлены следующие закономерности. Наиболее

частотными являются приёмы транслитерации, а также описания, объяснения, толкования. Такие способы перевода, как функциональный аналог, родовидовая замена, не находят широкого употребления. Иными словами, переводчики предпочитают придерживаться текста оригинала и руководствоваться авторским замыслом. Характерно, что частотность применения того или иного способа перевода слов-реалий не означает его эффективности. Например, транскрипция и транслитерация, как правило, передают лишь звуковую либо графическую форму слова, способствуя сохранению колорита, однако не дают русскоязычному читателю представления о внутренней форме лексемы. В то же время можно констатировать: несмотря на насыщенность оригинальных текстов национально-специфическими словами, авторам переводов на достаточно высоком уровне удалось реконструировать картину мира казахского писателя.

Источники

- Қ.Қ.І. – *Досжан Д. Құланшыда қалған іс* // Досжан Д. Келіншек асуы. Әңгімелер. – Алматы: Атамұра, 2002. – Б. 118–129.
- А.Қ.Ж. – *Досжан Д. Арыстанды-Қарабастың желі* // Досжан Д. Келіншек асуы. Әңгімелер. – Алматы: Атамұра, 2002. – Б. 129–145.
- Т.П.К.К. – *Досжан Д. Төрт патшаны көрген кейуана*. – URL: https://kitap.kz/books/tort_patshany_korgen_kejuana, свободный.
- Г.М.К. – *Досжанов Д. Голубые миражи Куланчи* // Досжанов Д. Ветер Львиная Грива: Рассказы / Пер. с казах. А. Кима. – М.: Мол. гвардия, 1982. – С. 5–24.
- В.Л.Г. – *Досжанов Д. Ветер Львиная Грива* // Досжанов Д. Когда я умирал: Избр. рассказы / Пер. с казах. Г. Бельгера. – Астана: Фолиант, 2009. – С. 265–284.
- Ж.Ч.В. – *Досжанов Д. Женщина и четыре вождя*. – URL: <https://qamba.info/site/book/online/zhenshhina-i-chetyre-vzhdy/content/toc.ncx/>, свободный.

Литература

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Рипол Классик, 2013. – 614 с.
2. *Вайсбурд М.Л.* Реалии как элемент страноведения // Рус. яз. за рубежом. – 1972. – № 3. – С. 98–100.
3. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во Ин-та общ. сред. образования РАО, 2001. – 224 с.
4. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. – М.: Междунар. отн., 1980. – 343 с.
5. *Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода. – М.: Высш. шк., 1953. – 335 с.
6. *Супрун А.Е.* Экзотическая лексика // Филол. науки. – 1958. – № 2. – С. 50–54.
7. *Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода. – М.: URSS, 2009. – 208 с.
8. *Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – СПб.: Филол. фак-т С.-Петербур. гос. ун-та; М.: Филология Три, 2002. – 416 с.
9. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 536 с.
10. *Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю.* Основы общего и машинного перевода. – М.: Высш. шк., 1964. – 243 с.
11. *Шейман Л.А.* Об учёте этнокультуроведческой лексики в русскоязычных курсах для нерусских учащихся // Рус. яз. в нац. шк. – 1978. – № 5. – С. 69–78.

12. *Алексеева М.Л.* Реалии как вербальное выражение специфических черт национальных культур // Науч. ежегод. Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2007. – № 7. – С. 338–345.
13. *Хакимова Ш.Р.* Приёмы перевода интернациональных реалий // Филология и лингвистика в современном обществе: Материалы II Междунар. науч. конф. – М.: Буки-Веди, 2014. – URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/107/4876/>, свободный.
14. *Спасский Г.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. – 2011. – Вып. 1. – С. 12–71.
15. *Джанибеков У.Д.* Эхо... По следам легенды о золотой домбре. – Алма-Ата: Онер, 1990. – 304 с.
16. *Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
17. *Ахметова Ш.К.* Пища казахов Западной Сибири: традиции и новации. – URL: http://www.kyrgyz.ru/articles/kazakh/shkahmetova_pisha_kazahov_zapadnoy_sibiri_traditsii_i_novatsii/, свободный.

Поступила в редакцию
21.03.17

Гилазетдинова Гелиня Хайретдиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: ggilaz@mail.ru

Ербулатова Ильмира Канатовна, аспирант кафедры общего языкознания и тюркологии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: ilmira.1985@inbox.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 5, pp. 1369–1378

Adequacy of Realia Translation
(Based on the Works of the Kazakh Writer D. Doszhan)

G.Kh. Gilazetdinova *, *I.K. Yerbulatova* **

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: *ggilaz@mail.ru, **ilmira.1985@inbox.ru

Received March 21, 2017

Abstract

The paper examines the adequacy of transfer of the Kazakh realia on the basis of the Russian translations of Dukenbai Doszhan's stories "Blue Mirages of Kulanchi" (*Құланиыда қалған іс*), "Lion's Hair Wind" (*Арыстанды-Қарабастың желі*), and "A Woman and Four Headmen" (*Төрт патшаны көрген кейуана*). The purpose of the paper is to reveal the general patterns of using the most and least frequent means for translating national realia in the studied Kazakh works into the Russian language. The analysis allowed to determine the degree of coincidence of the linguistic worldviews, on the one hand, as presented by the author, and, on the other hand, as reconstructed by the translator. A generalized description of the translations of national-specific lexemes has been given. Successful and unsuccessful strategies have

been identified. Examples from the works have been provided. Particular attention has been paid to one of the most important issues in the practice of translation, i.e., to the transfer of the national spirit. As a result of the analysis, it has been revealed that transliteration and description are the most frequent methods when translating lexical units denoting various ethnographic realia. Approximate and contextual translations are used to render words that describe complex realia, bearing the semantic load and created with the help of language games and allusions.

Keywords: national realia, Kazakh language, Russian language, artistic text, perception, translation, linguistic world view, national color

References

1. Akhmanova O.S. The Dictionary of Linguistic Terms. Moscow, Ripol Klassik, 2013. 614 p. (In Russian)
2. Vaisburd M.L. Realia as an element of regional studies. *Russkii Yazyk Za Rubezhom*, 1972, no. 3, pp. 98–100. (In Russian)
3. Vinogradov V.S. Introduction to Translation and Interpretation Studies (General and Lexical Problems). Moscow, Izd. Inst. Obshch. Sred. Obraz. RAO, 2001. 224 p. (In Russian)
4. Vlahov S., Florin S. Unrenderable in Translation. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya, 1980. 343 p. (In Russian)
5. Fedorov A.V. Foundations of General Translation Theory. Moscow, Vyssh. Shk., 1953. 335 p. (In Russian)
6. Suprun A.E. Exotic words. *Filologicheskie Nauki*, 1958, no. 2, pp. 50–54. (In Russian)
7. Chernov G.V. Theory and Practice of Simultaneous Interpretation. Moscow, URSS, 2009. 208 p. (In Russian)
8. Fedorov A.V. Foundations of General Translation (Linguistic Problems). St. Petersburg, Fak. S.-Peterb. Gos. Univ. Moscow, Filologiya Tri, 2002. 416 p. (In Russian)
9. Reformatskii A.A. Introduction to Linguistics. Moscow, Aspekt Press, 2008. 536 p. (In Russian)
10. Revzin I.I., Rosenzweig V.Yu. Foundations of General and Computer-Aided Translation. Moscow, Vyssh. Shk., 1964. 243 p. (In Russian)
11. Sheiman L.A. Considering ethnoculturological vocabulary in Russian language courses for foreign students. *Russkii Yazyk v Natsional'noi Shkole*, 1978, no. 5, pp. 69–78. (In Russian)
12. Alekseeva M.L. Realia as a verbal expression of specific features in national cultures. *Nauch. Ezhegod. Inst. Filosofii i Prava Ural. Otd. Ross. Akad. Nauk.*, 2007, no. 7, pp. 338–345. (In Russian)
13. Khakimova Sh.R. Ways to translate international realia. *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: Materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* [Philology and Linguistics in Modern Society: Proc. II Int. Sci. Conf.]. Moscow, Buki-Vedi, 2014. Available at: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/107/4876/>. (In Russian)
14. Spasskii G. The Kirghiz-Kaisaks of the Greater, Middle and Lesser hordes. *Istoriya Kazakhstana v Dokumentakh i Materialakh*, 2011, no. 1, pp. 12–71. (In Russian)
15. Dzhaniybekov U.D. Echo. The Legend of Golden Dombra. Alma-Ata, Oner, 1990. 304 p. (In Russian)
16. Schweitzer A.D. Translation and Linguistics. Moscow, Voenizdat, 1973. 280 p. (In Russian)
17. Akhmetova Sh.K. Food of the Kazhaks in Western Siberia: Traditions and Innovations. Available at: http://www.kyrgyz.ru/articles/kazakh/shkahmetova_pisha_kazahov_zapadnoy_sibiri_traditsii_i_no_vatsii/. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Гилазетдинова Г.Х., Ербулатова И.К. Адекватность перевода слов-реалий (на примере произведений казахского писателя Д. Досжана) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1369–1378. ⟩

⟨ **For citation:** Gilazetdinova G.Kh., Yerbulatova I.K. Adequacy of realia translation (based on the works of the Kazakh writer D. Doszhan). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1369–1378. (In Russian) ⟩